

І С Т О Р И Ч Н И Й   Д Е Т Е К Т И В

Александр Красовицкий  
Евгения Кужавская

*Дело № 2*

---

*мертвого авиатора*

---

Харьков  
«ФОЛИО»  
2022



**Тарас Адамович Галушко,**  
61 год, бывший помощник главного  
следователя сысской части  
Киевской городской полиции,  
в отставке



**Мира Томашевич,**  
21 год, курсистка Киевских высших  
женских курсов



**Иван Арчибальдович Фогль,**  
51 год, заместитель главного  
следователя сысской части  
Киевской городской полиции,  
действительный статский советник



**Игорь Сикорский,**  
27 лет, авиаконструктор,  
заместитель начальника Эскадры  
воздушных кораблей



**Яков Менчиц,**  
25 лет, совмещает работу  
следователя и работника  
антропометрического кабинета  
в сысской части Киевской  
городской полиции



**Вера Томашевич,**  
19 лет, балерина Киевской оперы



**Александр Горенко,**  
30 лет, бывший пилот Эскадры  
воздушных кораблей, штабс-  
капитан



**Рахлин,**  
27 лет, пилот Эскадры воздушных  
кораблей, моторист на «Гранде»,  
поручик



**Барбара Злотик,**  
21 год, балерина



**Михал Досковский,**  
около тридцати лет, аферист,  
мастер по подделке документов



## I

### ***Жена заклинателя пчел***

Марта отодвинула на край стола большой кувшин и несколько тарелок, поставила по центру глубокую миску. На локте – рушник. Полотно белоснежное, как те ее сливки к утреннему кофе. Хозяйка неспешно наклоняет кувшин над миской. В кувшине – молоко, еще теплое. Взмахивает рукавом. Когда Марта священнодействует на кухне, каждое ее движение подобно колдовству. Каждый взгляд.

Вот она покосилась ведьмовским зеленым глазом в его сторону – заметила, что он наблюдает. Ловким движением руки что-то размешала в миске, накрыла рушником. Он несколько раз видел, как она готовит тесто, но это было давно. Кажется, в позапрошлой жизни. Сколько лет прошло? С тех пор постарел лишь он, колдунья же Марта из темноволосой лукавой девчонки пре-

вратилась в почтенную полнолицую хозяйку. Морщины едва коснулись ее лица, подчеркнув улыбку, тонкими линиями пролегли на лбу. Морщины ей к лицу – и притаившиеся в уголках губ, и те, между бровями. Раньше они появлялись, когда она сердилась или улыбалась. Нередко она притворно хмурилась, пряча улыбку, как в день ее с Сильвестром Григорьевичем свадьбы, когда городок замело снегом и люди вместе с лошадьми увязали в огромных сугробах по дороге к церкви.

Вернувшись мыслями из воспоминаний, он понял, что остался в кухне один – хозяйка исчезла за дверью, растворившись где-то во тьме коридора. Накрытая рушником миска все еще стояла посреди стола – ждала своего часа. Что-то таинственное оживало на ее дне, поднималось и росло. Марта появилась так же внезапно, как и исчезла. Улыбнулась, поставила на стул корзину с яйцами. Сверкнула лезвием ножа, сдернула с миски рушник резким движением иллюзиониста. Он ничуть бы не удивился, явись оттуда сейчас ушастый кролик, хотя от Марты, скорее всего, следовало бы ждать какого-то колдовства пострашнее.

– Не заскучал? – насмешливо спросила. И, не дожидаясь ответа, добавила: – Сильвестр Григорьевич уж истомился в одиночестве за шахматной доской.

И было непонятно – имеет ли она в виду сегодняшней день и его странное появление на их кухне, или же расследование, на время которого Тарас Адамович вынужден был прервать переписку с одним из своих давнишних шахматных партнеров. «С Мартой никогда ничего до конца не поймешь», – часто повторял ее муж.

Тарас Адамович скосил взгляд на корзину, вздохнул. Зачем он здесь? Не лучше ли было укрыться от этих отвлекающих разговоров где-нибудь в саду. Посмотреть на

падающие с неба первые крупные хлопья снега, глотнуть чего-то горячего, с ароматом трав, привести в порядок мысли. Он же вместо всего этого остался сидеть здесь, в кухне, где хозяйка замешивала тесто.

– Тесто живое, – говорила она ему когда-то, – оно оживает под руками, двигается, слушает, вбирает мысли, выпитывает слова. Над тестом нельзя браниться.

Вероятно, и думать о плохом над тестом тоже нельзя. Что ж, кажется, он и впрямь зря здесь расслаживается – напитывает будущий маковый пирог плохими предчувствиями?

– Цок! – цокнуло яйцо, раскалываясь над миской. Марта взяла второе, стукнула по нему ножом. Развела две половинки, вытряхивая золотой желток, отложила скорлупу и почти сразу же выудила из корзины следующее. Он смотрел, как ловко она управляет с яйцами, а сам думал, что, вероятно, придется возвращаться туда, откуда приехал. Несколько дней назад он закончил расследование – нашел исчезнувшую балерину, сестру Миры. В этот дом они приехали вместе: сестры Томашевич и бывший следователь Киевской городской полиции Тарас Адамович Галушко. Он снова скользнул взглядом в сторону хозяйки. Это она, Марта, дала Мире его адрес. Это ее он должен теперь обвинять во вмешательстве в размеренный ритм его жизни в доме, окруженном яблоневым садом?

– Можешь рассказывать, – благосклонно предложила женщина.

– Что рассказывать?

– Чего сидишь в углу, как туча. Разве ты не собирался встретиться с другом?

Собирался. В Фастове, кроме Сильвестра Григорьевича, жил еще один старый знакомец Тараса Адамовича – бывший начальник сыскной части Киевской город-

ской полиции Георгий Михайлович Рудой. Марта ведь знает, что он побывал у него. Так зачем спрашивать?

Она наклонилась, картинно изогнувшись, где-то из нижнего ящика шкафа достала ковш, потрясла им в воздухе. Наверное, так зима стряхивает снег с тучи, как сейчас перед ним эта зеленоглазая похитительница его спокойствия трясла муку в миску с оживающим тестом.

– Что он сказал? – спросила она.

– Что у него есть для меня дело. А еще – что я должен поговорить с Мирой. Спросить, не согласится ли она и впредь быть моей секретаршей.

– Я в ответе за этих девушек, – медленно промолвила она, остановив на нем взгляд, – матери их обещала!

Он молчал. Она отставила ковш с мукой, погрузила руки в миску. Тонкие запястья. Странно, что они остались такими же тонкими, как в юности, когда он смотрел на нее посреди мостовой на киевской улочке. Марта, не глядя на него, спросила:

– Лихое дело?

Он уткнулся взглядом в миску:

– Лихое, – эхом сорвалось с его уст.

Он не знал, какое предчувствие вынуждало его так говорить. Ведь Георгий Рудой предупредил, что расскажет о деле лишь после того, как Тарас Адамович будет согласен выслушать его.

– Ты не сможешь отказаться от расследования, узнав подробности, – сказал он бывшему коллеге. И дал время: обдумать решение, поговорить с Мирой о продлении контракта. Мира согласилась.

– Она знает, что именно вы будете расследовать?

– Нет. Еще не успел рассказать.

Марта говорила, не отвлекаясь от работы – вымешивала тесто, тискала, мяла его руками, проворачивала

миску. Наконец, по-видимому, удовлетворившись результатом, спрятала под рушник пышный колобок и повернулась к печи.

– Ты должен рассказать ей. И спросить еще раз, – сказала она, подкладывая дрова в пышущее жаром печное чрево.

– Я могу и тебе рассказать.

Она отрицательно покачала головой.

– Ты сказал, что дело лихое, значит, так оно и есть. Мне не говори. Расскажи Мире.

Он и сам понимал, что должен поговорить с девушкой. В конце концов, она согласилась работать его секретаршей, потому что он взялся разыскивать ее сестру. Мира Томашевич считала, что Веру похитили. Ее версия подтвердилась – они нашли исчезнувшую балерину. Только в этот раз им предстоит выслеживать не похитителя – убийцу. Его секретарша должна знать, во что он ее впутывает.

Марта осталась на кухне. Мира с сестрой, вероятно, сейчас во дворе, и морозец румянит им щеки. На улице тихо, ни одного дуновения ветерка, безоблачное звездное небо над головой. Первый снег уже усыпал двор, посеребрил колодец и калитку, припорошил ульи. Сильвестр Григорьевич – заядлый пасечник, заклинатель пчел. Вероятно, поэтому на шахматной доске для него всегда главной фигурой был не король и даже не ферзь – королева.

Бывший следователь остановил взгляд на столе, стоявшем у окна. На ровной поверхности – шахматная доска, их неоконченная партия. Они могли играть ее месяцами, если бы переписка длилась и далее. Тарас Адамович писал бы старому другу о городских слухах, услышанных от разносчика газет, сообщал бы о новом рецепте варенья или о том, что попробовал идеальное сочетание сыра с гречневым медом. Сильвестр Григорьевич отве-

чал бы бойко – это всегда чувствовалось в росчерках его заглавной «А», которую он прочерчивал, словно молнию. Писал бы о сезоне медосбора и о пчелах, схоронившихся в ульи, хотя на небе ни облачка, а значит – он мог сказать наверняка – будет дождь. Между строчек намекал на то, что охотно приехал бы в гости к старому другу, но вот – пчелы. И Марта. О Марте не писал – видимо, надеясь, что Тарас Адамович сам догадается. Эти письма были теплыми, словно автор насыщал их солнцем и медом, и только потом отправлял в Киев. В каждом письме – ход, приближавший партию к финалу.

Скрипнула дверь, Тарас Адамович оглянулся.

На пороге – одна из сестер. Не та, видеть которую на веранде своего дома он привык за последние три месяца. Другая, балерина. Странно, что она младшая. Марта тоже говорила ему, что среди них двоих холодным практическим умом выделялась именно Вера.

– Мира – мечтательница, – заметила хозяйка дома, вымешивая тесто.

– Разве это плохо? – пожал плечами бывший следователь.

– Не то теперь время, – мрачно молвила она, – не то.

– Война?

– Не знаю. Сильвестр Григорьевич горевал над своими ульями, сказал, что сорвался основной медосбор, пчелы летали злые. Лето засушливое – один лишь падевый мед. Война – уж третий год. Пчелы чувствуют нечто другое.

Но что бы там ни чувствовали пчелы, их улыбающийся зритель радовался: старый друг – здесь, рядом – сидит напротив за шахматной доской. Тарас Адамович понимал – партия не продлится долго. Королева Сильвестра Григорьевича под угрозой, самое время говорить «Гарде!», как бывало когда-то. Его шахматный партнер уложит на

доске все войско, только бы не потерять ферзя. За бойней в центре вряд ли заметит слона, нацелившегося на короля. Вот уже открылась вертикаль для ладьи. Время.

Вера сидит рядом, наблюдает за игрой. Неизвестно, о чем думает. Она говорила Тарасу Адамовичу, что вернется на сцену, в балет. Старшая сестра, Мирослава, пообещала, что вернется в его яблоневый сад – и впредь будет исполнять обязанности секретарши. За эти три месяца ему и впрямь удалось привести в порядок кучи бумаг, которых, как ни странно, скопилось немало, а ведь он был уверен, что в порядок и приводить-то нечего. Переписка с шахматными партнерами, коллекция открыток, газеты и корреспонденция, теперь еще – «Дело исчезнувшей балерины», – вот чем был набит красного дерева картотечный шкаф в комнате Эстер в доме Тараса Адамовича по улице Олегаовской, рядом с остановкой трамвая № 13.

Он ведет слона к краю доски, перерезает меланхоличному королю Сильвестра Григорьевича путь к отступлению. Каждый на его месте был бы меланхоличным: а как иначе, если войско вместо твоей безопасности заботится о безопасности королевы? Королева пронесится вихрем, сокрушая коня противника. Ну все, ловушка захлопнулась. Шах. Финал. Сильвестр Григорьевич улыбается, чешет висок, склоняет голову, признавая поражение.

– Хорошая партия, – промолвил он, ни к кому не обращаясь.

– Хорошая, – согласился Тарас Адамович, – что скажете, Вера?

– Я не играю в шахматы.

– Тогда тем более. Какое впечатление от игры? – поинтересовался бывший следователь.

– Думаю, она довольно жестокая, – промолвила девушка, – жаль вашего коня.

– Вряд ли удастся избежать жертв на поле битвы, – погладил длинный ус Тарас Адамович.

– У Сильвестра Григорьевича оба коня уцелели.

– Но он проиграл. Вы любите лошадей, Вера?

– А вы – нет?

Тарас Адамович внимательно посмотрел на нее и сказал:

– Что касается животных на шахматной доске, то я отдаю предпочтение слонам, – он чуть дотронулся пальцем до точеной фигурки.

Девушка подняла бровь:

– Почему? Они сильнее?

– Вовсе нет! – вмешался Сильвестр Григорьевич.

– Разумеется, – ответил Тарас Адамович и улыбнулся, – хотя по этому поводу можно спорить вечно.

Вера перевела взгляд с одного шахматиста на другого.

– Не понимаю...

Сильвестр Григорьевич хмурился и молчал, Тарас Адамович попробовал объяснить.

– В шахматах все зависит не только от фигуры. Важна также позиция, остальные фигуры на доске, этап игры. Традиционно слон и конь считаются равноценными, но я больше доверяю практике. Между двумя конями и двумя слонами я предпочту двух последних. Если говорить о комбинациях, то слон в сопровождении пешек сильнее, чем конь в такой же компании. Если на доске останутся только два слона, теоретически мат сопернику поставить можно, двумя конями – нет.

– Это в самом деле так? – спросила Вера у Сильвестра Григорьевича.

Вот недоверчивая девчонка! Бывший следователь мысленно улыбнулся. Странно, что она не играет в шахматы. Жаль, что не играет.

Сильвестр Григорьевич в ответ на ее вопрос кивнул и степенно промолвил:

– Да, во многих ситуациях слон... – казалось, он тщательным образом подбирает слова, – выглядит убедительнее.

Тарас Адамович иронично приподнял бровь, но хозяин продолжил:

– Однако...

В самом деле, было «однако», и не одно. Учитывая особое внимание Сильвестра Григорьевича к ферзю, кони на шахматной доске превращались в грозную силу – комбинация ферзя со слонами в данной ситуации была заведомо проигрышной.

– Королю сложно укрыться от шаха коня, а для слона или ладьи нужно расчищать линии, – объяснил Сильвестр Григорьевич и показал: – Конь ходит вот так, – нарисовал он букву «Г», – может перепрыгивать через другие фигуры.

– Да, я видела.

– Кавалерия всегда может спутать карты сопернику.

Тарас Адамович качнул головой:

– Слоны – тоже кавалерия.

– Где-нибудь в Индии разве что.

– Ганнибал завоевывал Рим на слонах.

– А Александр Великий – Вавилон. На конях.

Тарас Адамович знал, что его партнер приведет этот аргумент после упоминания о Ганнибале. Засиял победной улыбкой.

– Можешь не продолжать, манипулятор бессовестный, – улыбнулся ему в ответ Сильвестр Григорьевич, – я знаю, что ты скажешь.

На улице залаяла собака, хозяин поднялся и пошел к двери. Тарас Адамович степенно расставлял фигуры, вероятно, рассчитывая, что соперник потребует реванша.

– Что вы хотели сказать об Александре Великом и Вавилоне? – спросила его Вера.

– Александр повернул из Индии. Этот нахальный следователь будет говорить вам, что он, мол, испугался боевых слонов, но вы ему не верьте, – бросил через плечо Сильвестр Григорьевич и скрипнул дверью.

Вера улыбнулась.

– И все-таки это жестоко – использовать животных на войне.

– А людей?

– Люди, по крайней мере, сами делают свой выбор!

– В самом деле? – спросил Тарас Адамович. Девушка не ответила, он добавил: – Когда-то даже пчел на войне использовали.

– Это как?

– Бросали ульи в пещеры или подземные тоннели, если вражеское войско пыталось пробраться по ним в город. Поговаривают, даже на нынешней войне в некоторых частях фронта так делают.

– Бросают в тоннели ульи?

– В окопы. А, может быть, это всего лишь слухи... – он как-то грустно скользнул взглядом по ее лицу и добавил: – На самом деле вы можете радоваться, Вера. В этой войне животных используют гораздо меньше – слишком механизированной она стала.

Сильвестр Григорьевич снова скрипнул дверью. Румянец на его лице свидетельствовал о том, что на улице мороз. Выходит, первый снег не растает, по крайней мере, до утра. Можно будет полюбоваться зимними видами за чашкой кофе.

– Выдумаете же, Тарас Адамович, – заметил хозяин, входя в дом, – использовать пчел в окопах?! Это самая настоящая глупость. Пчелы – идеальные шпионы.

Голубей перехватить можно, а ты попробуй-ка перехвати пчелу! Она всегда вернется в свой улей.

– Пчелиную почту под силу организовать разве что волшебнику, – улыбнулся Тарас Адамович, – хотелось бы верить, что это возможно – у меня была бы надежда, что напишу письмо герру Бое до окончания войны, однако это звучит слишком фантастично.

Сильвестр Григорьевич улыбается, обещает показать другу что-то невероятное. Тарас Адамович отвечает, что если старый друг имеет в виду медовую наливку, то он вовсе не против посмотреть, более того – попробовать. Вера устало откидывает волосы со лба, думает о летящих вниз крупных хлопьях снега. На это хочется смотреть вечно, замереть на пороге и слушать вязкую морозную тишину. Ее мысли прерывает Тарас Адамович.

– Вера, а где ваша сестра? – вопрос прозвучал неожиданно.

Кто ее знает. Может, помогает госпоже Марте в кухне. Или любит снег падом во дворе. Возможно, заливает кипятком чай на травах, собранных и высушенных хозяйкой. А, может быть, кормит собак во дворе – Мира любит здешних четверолапых космачей.

– На кухне с Мартой, – подтвердил вслух ее первую догадку хозяин дома.

Тарас Адамович направился к двери.

– Как-нибудь я научу вас играть в шахматы, – оглянувшись, с улыбкой сказал бывший следователь.

– Буду ждать с нетерпением, – ответила балерина.

Странно, что она до сих пор не играет. Впрочем, в шахматах, как и в балете, есть свои белые и черные лебеди.

Так и есть, Мирослава на кухне. Хуже – тут же и Марта. Тесто уже выглядывает из миски, приподнимает рушник. Хозяйка достает его, отделяет большой кусок,

разминает и, наконец, начинает раскатывать. Мира подносит что-то в горшке, подает Марте. Женщина чуть поворачивает голову к Тарасу Адамовичу, он видит лишь ее профиль, курносый нос, корону повойника (по-здешнему – очипка). Она первой нарушает тишину. Произносит насмешливо, мелодично:

– Все хорошо, Мира. Дальше я справлюсь сама.

Выходит, разрешила. Он может забрать девушку на разговор. Правда...

Марта читает его мысли – он давно это знал, просто забыл. Она молча приоткрыла дверь в темный коридор, пояснила:

– Дальняя комната, с травами. Там будет удобно.

Тарас Адамович молча взял из рук хозяйки масляную лампу и пригласил Миру следовать за ним. Вероятно, девушка сразу поняла, о чем предстоит разговор, так как он не увидел ни малейшего удивления на ее лице. Она согласилась работать его секретаршей, еще ничего не зная о новом деле. Однако сегодня имеет право отказаться. А если и впрямь откажется?.. Вскоре он узнает о ее окончательном решении.

Эта комната – безраздельные владения хозяйки дома и царство трав. Они везде – просочились в стены, вплелись в потолок. Связанные в дивные пучочки, украшают собой небольшое окошко, свисают, будто протягивая руки-лепестки к нежданым гостям. Пахнет мятой...

– И любистком, – добавила Мира.

Цветистые дорожки – на лавке и на полу; в крынках – также сухоцветы. Что-то желтое, хрупкие засушенные головки мака. Тарас Адамович ставит лампу на подоконник, оглядывается.

– Что ж, Мира. Поскольку большинство этих трав я не узнаю, то могу сказать, что не уверен в безопасности чая, который мы с вами сегодня пили.

Девушка улыбнулась. В последнее время улыбка на лице Миры появляется все чаще. Это хорошо, бесспорно. В конечном итоге, та глубинная печаль в ее глазах в последние несколько дней расследования заставляла его думать о деле постоянно. Впрочем, возможно, с этим расследованием будет попроще – по крайней мере, Мира не знакома с теми, чьего убийцу или убийц они будут разыскивать.

– Вы хотите рассказать мне о деле?

– Да.

– Я слушаю.

– Мира, я хочу, чтобы вы понимали: вы имеете право отказаться, когда выслушаете меня.

Она не ответила, лишь пристально вглядывалась в его лицо. Масляная лампа едва светила, отбрасывая на стену длинные и жуткие тени. Зря он выбрал для своей истории именно это время. Поговорили бы с ней завтра, за ароматным полуденным кофе. Глупый самонадеянный старик – еще напугает девушку! Сейчас, когда он уже привел Миру в эту комнату и заинтриговал рассказом о деле, вряд ли она согласится отложить разговор до завтра. Что ж...

– На борту самолета, летевшего из Петрограда в Киев, было шесть человек: первый и второй пилоты, моторист и гатчинский инструктор, а еще князь Александр Сергеевич Курдашов с молодой женой, которые только что обвенчались и решили отметить событие небольшим путешествием.

На стене метнулась пугливая тень от качнувшегося пучка. Мира ровнее села на лавке, перевела взгляд на Тараса Адамовича, который продолжил:

– Самолет приземлился три дня назад на Куреневском аэродроме. Однако вышли из него только четверо: оба пилота, моторист и инструктор. Князь и его молодая

жена были найдены в самолете мертвыми. Констатировали смерть еще на борту, примерно за час до снижения.

– Но... Что случилось? – удивилась девушка.

– Вот это мы с вами и попробуем выяснить. Если, конечно, вы согласитесь участвовать в расследовании, – спокойно ответил Галушко.

Мира приоткрыла рот, собираясь что-то сказать, но Тарас Адамович остановил ее жестом:

– Не отвечайте сейчас... Кажется, я слышу, как начинает пахнуть знаменитый маковый пирог нашей хозяйки! Подумайте, Мира. Это дело об убийстве. Интуиция подсказывает мне – дело лихое и опасное.

– Но вы же согласились его расследовать!

– Я... Есть вещи, которые меня смущают. И хуже всего – по словам Георгия Михайловича, моего бывшего начальника, они вовсе не смущают полицию. К тому же это дело определенным образом для меня является личным.

Она не спросила. Он мысленно поблагодарил ее за деликатность.

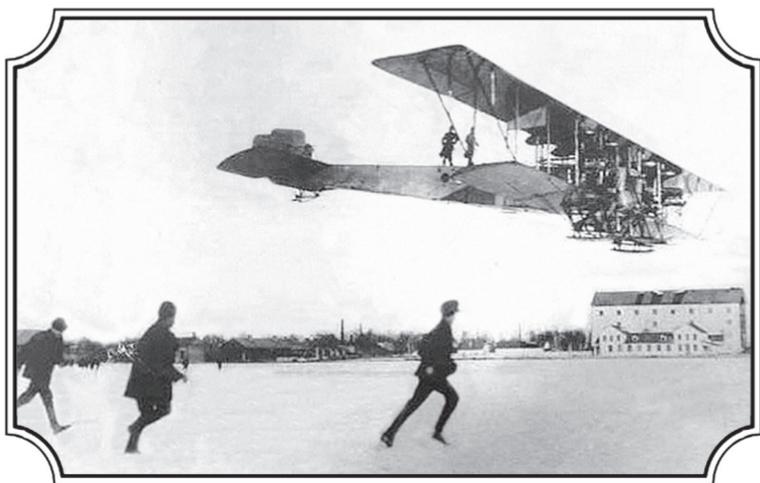
– Я буду помогать вам, – сказала девушка после паузы.

– Я все равно подожду до завтра, Мира. Это не дело о похищении, как в случае с вашей сестрой.

Девушка грустно качнула головой.

– А разве то было дело только о похищении?

Тарас Адамович не ответил. Хорошо, что здесь нет Марты с ее тестом, возле которого нельзя браниться даже мысленно! Он готов был выругать себя за неосторожную реплику – в деле, которое они только что завершили, тоже была смерть. Поднявшись с лавки, он взял в руки лампу и приоткрыл дверь в коридор, ведущий в кухню, где зеленоглазая колдунья вновь заваривала удивительный чай, половину трав из которого он не мог угадать.



## II Небо над Киевом

– Что тебе известно о самолетах, Тарас Адамович? – спросил бывший начальник сыскной части Киевской городской полиции Георгий Рудой.

Следователь Галушко с интересом посмотрел на старого друга, захрустел огурцом, пожав плечами. Хозяин усадьбы пододвинул свою рюмку к рюмке гостя, ловким движением наполнил обе.

– Собственно, то же, что и всем. Когда-то читал в газетах о мертвой петле, подначивал одного тщеславного француза тем, что его земляк опоздал на несколько дней...

– Пегу, – кивнул Рудой, – совершенно верно, французского авиатора опередил поручик Нестеров. Пегу во время визита в Москву сам признал за коллегой право первенства.

Они молча выпили, в воздухе повисло непроизнесенное «царство небесное». Желают ли этого мертвым летчикам? Возможно, только им и следовало бы желать.

Нестеров погиб в 1914-м, снова утверждая за собой право называться первым – в этот раз первым летчиком, осуществившим таран. В начале войны самолеты использовались в основном в целях разведки, оружия на борту не имелось. Поэтому в погожий сентябрьский день два года назад в небе над городком Жолква, когда маленький одномоторный моноплан – Нестеров летал на «Моране-Сольнье», – набирая высоту, настиг австрийский биплан, атаковать соперника ему было нечем. Очевидцы потом рассказывали, что моноплан занял позицию над бипланом на расстоянии 15–20 метров, сделал над самолетом круг, а потом резко спланировал сверху просто на преследуемый самолет. Столкновение – и вот уже оба самолета падают. Нестеров, как и австрийцы, находившиеся в биплане «Альбатрос», погиб от удара о землю. Таран оказался смертельным трюком, в отличие от мертвой петли.

– Понимаешь, в деле, которое я тебе предлагаю, тоже есть своеобразная мертвая петля. Сомневаюсь, что в полиции ее распутают.

– А если подробнее? – спросил Тарас Адамович.

И Георгий Рудой рассказал ему все, о чем он потом почти дословно перескажет Мире. В частности о том, что князь и его молодая жена были найдены мертвыми в салоне самолета.

– В салоне? – Тарас Адамович поставил рюмку на стол и добавил: – Мне следовало бы остановиться несколько рюмок назад или выпить еще штуки три. Чего-то я недопонимаю, Георгий Михайлович...

## Содержание

I. Жена заклинателя пчел . . . . .	5
II. Небо над Киевом . . . . .	19
III. Беллерофонт и монгольфьеры. . . . .	30
IV. Агата. . . . .	41
V. Ученица Ганса Гросса. . . . .	53
VI. Свидетель доброй славы . . . . .	66
VII. Гатчинский инструктор. . . . .	77
VIII. Храм киевской богини удачи . . . . .	87
IX. Секрет балерины . . . . .	101
X. Трансильванский домик духов . . . . .	112
XI. Один из четырех . . . . .	122
XII. Престидижитатор . . . . .	133
XIII. Рубиновая роза . . . . .	144
XIV. Место преступления . . . . .	153
XV. Суеверный унтер-офицер . . . . .	164
XVI. Записная книжка следователя . . . . .	174
XVII. Сундук новобрачной. . . . .	184
XVIII. Пари . . . . .	194
XIX. Два аэродрома. . . . .	204
XX. Белая скатерть . . . . .	213

XXI. Сердце самолета . . . . .	224
XXII. Девушка, которая не боится пожара . . . . .	234
XXIII. Тридцать три форта . . . . .	244
XXIV. Бедный Яков Менчиц . . . . .	255
XXV. Ридикюль вульгарных украшений . . . . .	267
XXVI. Предпоследняя станция . . . . .	277
XXVII. Столик у окна . . . . .	287
XXVIII. Дымка невесты . . . . .	297
XXIX. Время преступления . . . . .	308
XXX. Индийская защита . . . . .	317
XXXI. Шесть рюмок . . . . .	331
XXXII. Черная королева . . . . .	343
XXXIII . Оружие женщины . . . . .	354
XXXIV. Талисман . . . . .	368